

Душа
МАШ

Детка,
я твой!

РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Диана Маш

Детка, я твой!

<https://litres.ru/74206129>

Аннотация

Вернуться в родной город, чтобы в первый же вечер наткнуться на шайку бандитов, один из которых окажется оборотнем и оставит на тебе брачную метку? Угодить за решетку по смешному обвинению и узнать, что за твою голову объявлена награда? Могу, умею, практикую. Казалось бы, нужно всего лишь залечь на дно и продержаться, пока папочка не устранил все проблемы. Но не все так просто, ведь хозяином метки оказывается приставленный ко мне в качестве телохранителя наглый грубиян.

В тексте есть: #Наглый оборотень-полицейский #Героиня тоже не подарок #Любовь и страсть #Детективная линия
ОДНОТОМНИК, ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	67
Глава 12	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

*Вернуться в родной город, чтобы в первый же вечер наткнуться на шайку бандитов, один из которых окажется оборотнем и оставит на тебе брачную метку? Угодить за решетку по смешному обвинению и узнать, что за твою голову объявлена награда?
Могу, умею, практикую.
Казалось бы, нужно всего лишь залечь на дно и продержаться, пока папочка не устранит все проблемы. Но не все так просто, ведь хозяином метки оказывается приставленный ко мне в качестве телохранителя наглый грубиян.*

Глава 1

— Мне сколько раз повторять, Сойер? Зелье — высший сорт. Не нравится — я его старику Барни толкну, меньше мороки, — низкий, будто простуженный мужской голос звучал вызывающе и нагло.

Принадлежал он высокому, плечистому парню, что стоял ко мне вполоборота. Лицо его скрывала натянутая до самых глаз бейсболка, и видно было только бритый затылок.

Грубые ботинки, мятые джинсы и выдавшая лучшие дни серая футболка подчеркивали тренированное тело, но не облегали его, как у тех трех громил, что стояли напротив и ска-

лились ему в ответ так, что у меня от страха сердце заходилось.

А этому хоть бы что. Слабоумие и отвага в действии.

Рядом с такими я бы застыла, как полевая мышка, и лишний раз рот не открывала, боясь быть съеденной на месте. Впрочем, я и так не открывала.

Спрятавшись за угол, я наблюдала за этими бандитами и раздумывала: позвонить ли в полицию сейчас и пожаловаться на вконец обнаглевших преступников, что занимаются своими грязными делишками рядом с заведением моего старшего братца, или вернуться в клуб и уже там воспользоваться телефоном?

О том, чтобы потихоньку свинтить домой и забыть обо всем тут увиденном и услышанном, и речи быть не могло. Все же я дочь своего отца, а он у меня, без малого, шеф департамента полиции Оттавы, и учил своих детей уважать закон!

— Не зарывайся, псина, нам его еще проверить надо, а то подсунешь брак и исчезнешь с деньжатами. Ищи тебя потом, — ответил наглецу самый страшный из громил. — Я, конечно, найду. Но сам понимаешь, лишние телодвижения...

Он протянул ладонь, на которую тут же упал небольшой прозрачный пузырек с синей жидкостью.

— Ванкуверские ведьмы браком не торгуют, Сойер. Пробуй, мне не жалко, — хмыкнул в ответ парень и замолчал, ожидая вердикта.

Судя по тому, как быстро тут все происходит, я еще до барной стойки дойти не успею, как эти бандиты растают в ночи, а приехавшие на вызов полицейские меня потом на смех поднимут. Так что если звонить, то сейчас.

Потянувшись к застежке рюкзака, на дне которого лежал телефон, я не рассчитала степень своего волнения и, сильно дернув молнию, выпустила его из рук. Звук падения был приглушен проехавшим неподалеку байком, поэтому испугаться я не успела. Наклонилась, взяла рюкзак в руки... а вот полностью разогнуться не смогла.

Взгляд уперся в бочкообразный торс того самого Сойера, на чьей перекошенной роже, при виде моего ошеломленного лица, начала медленно расползаться пугающая до дрожи в коленях похотливая улыбка. Вблизи он выглядел еще ужаснее: с тату на половину лысого черепа, огромным лбом, мелкими глазками и серой, нездоровой кожей.

Вышла проветриться на свежий воздух, называется. И что теперь делать?

«Притворяться недалекой блондинкой», — подсказал не отличающуюся оригинальностью идею мой сжавшийся в горошину мозг.

— Парни! Как дела? — выдавила я самую жалкую из всех возможных улыбок. — Я искала своего парня и потерялась немного. Не подскажете, где тут вход в клуб?

Давящая тишина продлилась ровно столько, сколько хватило трем громилам, чтобы хорошенько пройтись по мне го-

лодными взглядами, оценив лицо, длинные, спускающиеся до ягодиц светлые локоны, едва прикрытую шелковым черным топом небольшую грудь, облегающую бедра короткую красную юбку и голые ноги, в дорогих босоножках на четырехдюймовом каблуке.

— Сойер, гляди, какая киска, — подал голос второй бандит, которого я мысленно окрестила «громила номер два». — Можно мне ей... помочь?

И так облизнулся, ублюдок, что сразу стало ясно — никакой «помощью» тут и не пахнет. Доведет до ближайших кустов и покажет «небо в алмазах».

— Почему это тебе, Олле? — проснулся «громила номер три». — Я тоже хочу.

— В очередь, Стив, я первый предложил, — мужчины с надеждами во взглядах уставились на своего главаря, но тот не торопился с ответом, продолжая сверлить меня своими глазками-бусинками и медленно пожевывать нижнюю губу.

Впору было плюнуть на все и начать звать на помощь, а у меня язык онемел. Да и толку? Снаружи ни души, а в самом клубе музыка бьет по ушам так, что сам себя не услышишь, не то что визги с улицы.

Я уже мысленно попрощалась со всеми имеющимися у меня родственниками, как вдруг из-за спин трех головорезов раздался знакомый хриплый голос.

— Слюни подотрите, парни, эта цыпочка — моя. И искала она меня. Правда, сладенькая?

Сойер и его приятели дружно обернулись на стоящего позади дерзкого торговца.

Бейсболку парень успел снять, и свет фонаря осветил его покрытую короткими темными волосами голову. Лицо можно было бы назвать красивым, если бы не недельная щетина, острый взгляд глубоко посаженных желтых глаз и циничная усмешка, маскирующая необъяснимую злость, которую я ощущала каждой клеточкой своего тела.

Гребаный оборотень. Только этого мне не хватало.

Я уже собралась было послать наглеца куда подальше, но внутренний голос, у которого мозгов было чуточку больше, резко приказал заткнуться и кивнуть.

— Твоя, говоришь? Дорогие шмотки, кукольное личико... — медленно произнес Сойер, а затем наклонился ко мне и шумно вдохнул. — Подзаборная шавка утверждает, что трахает чистокровную пиявочку? Ты, конечно, смазливый ублюдок, но сказки будешь рассказывать своим сучкам, а не мне. Вампиры никогда не отдадут свое сокровище жалкому псу.

И даже не поспоришь. Папочка за меня любому увальню яйца на голову натянет. А посягни на его младшую дочь не дружащий с законом оборотень — и вовсе со свету сживет.

— А кто сказал, что я их спрашивал? — парень приблизился к нам, оттолкнул плечами громил под номерами два и три, схватил меня за руку и рванул на себя, впечатывая в твердую грудь. Ноздрей коснулся запах сигарет, горячего

мужского тела и мускуса. — Ну же, детка, скажи им, кому ты принадлежишь.

Одна его рука легла мне на горло, не давая отвернуться и отвести взгляд от стоящих передо мной головорезов, следивших за каждым движением оборотня. А вторая... вторая самым наглым образом прошла по моей груди. Задев чувствительный сосок, он заставил меня вздрогнуть. Затем скользнул по впалому животу, ушел за спину, собственническим жестом накрыл ягодицу и сжал ее.

Голова закружилась, как после бокала разбавленной чем-нибудь крепким «второй отрицательной». Жар его ладони ощущался так сильно, словно и не было никакой юбки. Я бы и рада была отшатнуться, но какой там? Меня держали железной хваткой, вырваться из которой не представлялось возможным.

С другой стороны, начни я сейчас вырываться, его приятели поймут, что парень врет, и тогда меня ждет участь пострашнее «волчьей сучки».

— Я не слышу, детка. Так кому ты принадлежишь? — Мерзкий кобель, знает, что я не могу его сейчас послать, и пользуется вовсю: гладит, трогает, под юбку пальцами лезет...

— Т-т-тебе, милый, — все же ответила я еле слышно, сжимая бедра и надеясь, что все это скоро закончится.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОСМОТРИТЕ БУКТРЕЙЛЕР,

ОН ВО ВКЛАДКЕ АННОТАЦИИ!

Глава 2

«Дорогой дневник, жизнь повернулась ко мне задом» — именно этими словами я бы охарактеризовала сегодняшний день, если бы по примеру ровесниц любила переносить на бумагу все свои тайны. Но дневников я никогда не вела. А стоило бы. Нужно же хоть где-то выплескивать свои эмоции. Мама говорит, что нельзя держать их в себе и ждать, когда прогремит большой взрыв. А он когда-нибудь обязательно прогремит.

— Ну что, довольны? — обратился наглый подонок к своим друзьям-бандитам, а затем склонился к моему уху: — Дверь в клуб прямо и направо. Жди меня за барной стойкой, сладкая.

«Ага, бегу и спотыкаюсь!» — подумала я, а в ответ слабо кивнула, не веря, что так легко отделалась. Не знаю, почему он решил поиграть в рыцаря и спасти меня от своей криминальной компании, но была бы душой, если бы стала строить из себя оскорбленную невинность.

Словно нехотя оторвав от меня свои лапы, парень слегка шлепнул меня по заднице, придавая ускорение, как вдруг «громила номер один» схватил меня за предплечье и толкнул обратно в крепкие объятия.

— Не так быстро, пёс, — внимательный взгляд прошелся по моей шее. — Ты нас за идиотов держишь? Где, мать твою,

метка?

— Не думал, что ты такой придурок, Сойер, — этот тип явно нарывался на неприятности, прыгая на того, кто был крупнее него раза в два. Мозг с грецкий орех! — Если бы я оставил на ней метку, её родители меня бы распяли. Я не какой-то мучающийся спермотоксикозом подросток и умею контролировать своего зверя.

— Гладко стелешь, да только я не слепой и вижу, как эту киску аж потрясывает от омерзения.

— Ну ещё бы, — хмыкнул в ответ блудливый подонок, чьи пальцы на моём теле вновь пришли в движение. — Вы свои рожи давно в зеркало видели?

По лицу Сойера трудно было понять, поверил он словам оборотня или нет. Глазки из мелких превратились в две еле заметные щёлочки, а нижняя челюсть выдвинулась вперёд, как у бульдога. Того и гляди вцепится в ногу.

— Как тебя зовут, крошка? — обратился он ко мне, перестав сверлить взглядом стоящего позади меня оборотня. А я, глупая идиотка, не нашла ничего лучше, как сообщить ему своё настоящее имя.

— Лолли... Лоллипоп[1], — три здоровяка недоверчиво выпучили глаза, а затем дружно заржали. Даже удерживающий меня оборотень издал еле слышный смешок, благо его дружки этого не заметили.

Признаюсь честно, я их не винила. Подобная реакция на моё не совсем стандартное имя преследовала меня ещё со

школы. А за всё спасибо папочке, чьё пристрастие к сладкому уже вошло в историю.

Брату Каю улыбнулась фортуна — имя ему дала моя тогда ещё живая бабуля со стороны матери. До зависти обычное, ничем не примечательное и не вызывающее смех чуть ли не до икоты.

Сестре повезло меньше: её наш отец назвал Куки[2], и сейчас даже коллеги по работе кроме как «Печенькой» её не называют.

Мне же со своим имечком пришлось пройти все круги ада. Вот кто в здравом уме назовёт свою дочь «Леденец»? Да таких псевдонимов чураются даже стриптизёрши и проститутки, а у меня оно в паспорте чёрным по белому записано. Я его, конечно, стараюсь не светить, но попробуй откажи остановившему на дороге копу? Или служащему банка, в который ты пришла, чтобы снять или положить на счёт деньги?

Громилы прекратили ржать и теперь сверлили меня плотоядными взглядами. Особенно самый страшный из них — Сойер.

— И как ты ласково зовёшь её, пёс? «Чупа-чупс»? — ну вот, новая волна смеха. И шутка, что обидно, ну вот ни разу не оригинальная.

— Я зову её «сладкая», если тебе интересно, — в низком голосе оборотня тоже сквозило веселье, но мне оно, почему-то, обидным не показалось. Странно.

— Смешная у тебя пиявка. Так и быть, отпустим её с ми-

ром, но при одном условии, — я поначалу заметно расслабилась, но, услышав последнюю фразу, снова напряглась. — Докажи свои права на эту цыпочку, иначе это сделаем мы. Да, парни?

Громилы номер два и три дружно закивали, мерзко облизывая свои мясистые губы.

По телу прошла мелкая дрожь. Пришлось крепко сжать зубы, чтобы они не начали отбивать дробь. Я глупая блондинка, а глупым блондинкам не пристало предчувствовать опасность. Они улыбаются и машут, улыбаются и машут.

А ещё надеются, что появится принц на белом коне и вырвет их из лап злодеев. Прямо как в сказке. Жаль, что из сказочного у меня была только задница, так как по-другому ситуацию, в которую я попала, не охарактеризовать.

На роль принца оборотень тоже не тянул. Но других вариантов у меня, к сожалению, не было. Надеюсь, то, что потребуют его дружки, не будет таким уж трудноосуществимым, иначе... А что иначе, даже думать не хотелось.

— Какие ещё права, Сойер? Хочешь, чтобы я трахнул её прямо здесь? Обломись. Я бесплатные шоу устраивать не собираюсь. Купите подписку на порносайте и хорошенько вздрочните.

Белого коня не было и в помине, так же как и белого плаща с короной, но парень в моих глазах поднялся со дна, на котором барахтался вместе со своими дружками, на два пункта выше.

Соьер в ответ жутко оскалился, но быстро взял себя в руки.

— На этот раз прощаю, ради дружбы с твоими покровительницами, но ещё хоть одно дерзкое слово из твоей вонючей пасти, шавка, и я порву тебе её голыми руками. Под правами я имел в виду «метку». Поставь пиявке метку, здесь и сейчас, или мы с парнями заберём её себе. Меня, кстати, этот вариант устроит даже больше.

Вот далась ему эта метка?

Я не увидела, а почувствовала, как резко напрягся стоящий за мной мужчина. Его пальцы на моей талии и бедре сжались так сильно, что, если доживу до завтрашнего утра, обнаружу на теле здоровенные синяки.

Мне-то казалось, что приказ был простым. Подумаешь, две мелкие дырочки на шее, через пару недель пройдёт. Зато не нужно танцевать голые танцы на потеху публике. Но, похоже, оборотень так не считал и того и гляди откажется, бросив меня на растерзание ублюдков.

Принц, называется. И чего так нервничать, спрашивается? Укусил и свободен. Это я точно знаю: в укусах я профессионал.

Пришлось брать дело в свои руки.

Перекинув волосы на плечо, я наклонила голову набок, оголив шею, привстала на цыпочки, насколько позволяли каблуки, и медленно потёрлась задницей о его ширинку.

Раньше с оборотнями я дел не имела, но у Грейс, моей

подруги, был парень из волков. Она рассказывала, что завести их — дело двух секунд. Вот и проверим.

Он действительно склонился к моей шее, прикоснулся к ней губами, отчего по коже прошёлся электрический разряд, осторожно сжал её своими клыками и еле слышно прошептал:

— Угомонись, сладкая.

Ага, и не подумаю. Кусай скорее, черт бы тебя побрал!

[1] с англ. — Леденец

[2] с англ. — Печенье

Глава 3

Все же нужно иногда прислушиваться к собственной интуиции. Тем более когда она настырно шепчет тебе остаться дома и посмотреть какую-нибудь сопливую комедию, попивая «Блади Лабатт»[1] и поглаживая ушастого вредину Шаббо.

Тащиться в ночь хотелось так же, как коту на кастрацию, но Кай умел уговаривать. Вот зачем мне открытие его ночного клуба, когда я всего несколько часов как с самолёта и даже родителей повидать не успела? «Непорядок», — сказал бы папочка и был бы абсолютно прав.

Теперь дрожи тут от страха в ожидании, когда четверо ублюдков наиграются с тобой в «кошки-мышки». А они, судя по мерзким рожам, только начали забавляться.

Парень за спиной, кажется, почувствовал мой мысленный пинок. Пройдясь языком по гладкой коже, он усилил хватку на моей талии, и уже через секунду в мою шею вонзились чужие клыки.

Не больно. Совсем даже наоборот. Сознание взорвалось сверхновой, по телу прошёл заряд тока, а из глаз посыпались искры.

Все мышцы в теле превратились в желе, и мне ничего не оставалось делать, как со стоном откинуть голову на его плечо, безмолвно умоляя о большем. Не важно, как крепко он

прижимал меня к себе, я всё равно продолжала тереться о него своим телом, чувствуя, как твёрдость в районе его ширинки стала в разы больше и упёрлась в мои ягодицы.

До оргазма мне хватило бы одного толчка его бёдер или даже пары грязных словечек его низким шёпотом на ушко. Оборотень прекрасно это понимал и готов был мне угодить, я чувствовала. Но раздавшийся в ночи громкий смешок Сойера подействовал как ушат холодной воды.

Парень отодвинулся, но на прощание прошёлся шершавым языком по оставленной на мне метке, которая продолжала ныть и посылать по всему телу тёплые волны возбуждения.

— Что-то я погорячился, — произнёс самый главный мудака, растянув свои жирные губы в мерзкой улыбочке. — Нам тут в лапы такая страстная киска попалась, да, парни? — двое его дружков закивали, как болванчики. — А я, не разобравшись, её отпустить решил.

— Сойер, твою мать, мы договорились. Я своими цыпочками не делюсь, — прорычал над моим ухом внезапно напрыгшийся оборотень.

— А придётся, — издевательски развёл руками ублюдок.

— С хрена ли?

— Ты не переживай. Отсосёт нам с парнями по разику и пусть идёт с миром.

Нет, ну нормально вообще?

Я даже толком возмутиться не успела, как, выбросив впе-

рѣд жилистую руку, Соьер схватил меня за топ и потянул на себя. В этот момент произошло то, чего ни один из нас четверых не ожидал.

Оборотень разорвал ночную тишину звериным рыком. Его лицо внезапно сменилось волчьей пастью. Он рванул вперѣд и сомкнул клыки на роже Соьера. А дальше всё началось проноситься перед глазами как в замедленной съёмке...

Кровь брызнула во все стороны, заливая мохнатую морду и превращая волка я в настоящее чудовище. Ещё немного — и меня вывернуло бы наизнанку.

Многие из моих не сильно привередливых собратьев, оказавшись в подобной ситуации, не преминули бы заметить, что кровь она и есть кровь, её пить надо, а не носик морщить. Но кто в здравом уме станет допивать из оставленной кем-то на улице бутылки? Или хлебать разлитый по полу суп? Вот и я девушка приличная и ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть.

Миг — и здоровяк валяется на земле, дѣргается в конвульсиях и скулит как сучка, а два его приятеля изумлѣнно таращатся на него, не понимая, что происходит.

Позади нас послышалась полицейская сирена. Раздался топот ног, мужские крики и ругань. Кажется, меня толкнули, из-за чего я растянулась на асфальте, больно приложившись лбом и поцарапав кожу на локте и бедре.

Лежащий рядом Соьер уже не скулил. Под ним разлилась красная лужа, дыхание перестало вырываться из лёгких, а

взгляд был направлен в небо. Громилы под номером два и три успели прийти в себя и сейчас, спрятавшись за углом, устроили перестрелку с невесть откуда взявшимися копами. Только оборотня нигде не было видно. Как сквозь землю провалился.

«Надо бежать!» — подсказал мозг. — «Подальше от этого жуткого и отвратительного зрелища, пока не зацепила шальная пуля».

Адреналин в крови подскочил до критической отметки. Слепая паника накрыла как цунами, и перед ней отступила даже боль. Ловко орудуя руками, я медленно ползла вперёд, мысленно взывая к высшим силам и умоляя их вытащить меня из той задницы, в которую я угодила благодаря собственной «везучести».

Фут, два, три.

Обогнув стоящую на пути машину и спрятавшись за ней, я смогла наконец принять сидячее положение и прислонилась спиной к металлической дверце. Медленно переводя дыхание, я пыталась собрать мысли в кучу и решить, что делать дальше.

Первый вариант со звонком отцу или брату отменялся сразу. Рюкзачок с телефоном остался валяться там, где меня обнаружили бандиты, и, если я не хотела, чтобы меня нафаршировали пулями как индейку на День благодарения, лучше о нём забыть.

Второй вариант, где я забегаю в клуб и требую отвести

меня к Каю, тоже не годился. Во-первых, я уверена, что полиция на улице долго не задержится и оцепит помещение, проверяя каждого встречного. А во-вторых, не нужно брату знать о моих злключениях. Он расскажет отцу, тот — маме и сестре, и тогда я до старости не избавлюсь от их гиперопеки.

Оставалось последнее решение: с боем прорваться к дороге, поймать такси, рвануть домой и выбросить из памяти этот кошмарный денёк. Показания мои никому не нужны. Копы и без меня тут прекрасно разберутся, поймают оборотня и двух дружков мёртвого бандита, а значит, моя совесть чиста и может спать спокойно.

Приняв окончательное решение, я стащила с себя туфли, решив, что бегать на каблуках не лучшая идея. Затем оперлась ладошкой об асфальт, собираясь встать, как вдруг рядом раздался знакомый голос:

— Вот ты где, сладкая. Далеко собралась?

[1] с англ. *Bloody* — кровавый, *Labatt* — марка пива

Глава 4

Мне показалось. Я ничего не слышала, это всего лишь слуховые галлюцинации. Рядом никого нет. Если я открою глаза и осмотрюсь, никого не увижу.

— И как долго ты собралась притворяться кактусом? Поднимайся и иди сюда.

Никакая это не галлюцинация, а самая настоящая реальность. Гребаный оборотень! Ну почему он не мог поймать пулю и лежать сейчас рядом с Сойером? Зачем я ему сдаюсь?

— Никуда я не пойду! — распахнув наконец глаза, я повернула голову. Увидев прислонившегося к капоту машины кусачего ублюдка, чуть не застонала в голос.

Сию тут, как идиотка, строю планы по спасению собственной задницы, а судьба поржала и добавила проблем в виде высокого желтоглазого отморозка, чьи волосы, лицо и футболку покрывали красные пятна.

Перед глазами снова встала жуткая картина десятиминутной давности, когда этот самый волк вгрызлся в рожу превосходившего его по габаритам бандита и купался в его тёплой крови.

Не зря их породу называют дикими варварами!

— Ты меня боишься? Не стоит.

Голос вроде не повышает, а усмешка такая жуткая, что

чувствую — врёт. Ещё как стоит. И бояться, и бежать куда подальше.

— Ты бы валил по-хорошему, пока копы до тебя не добрались, — решила я вколотить в него толику здравого смысла. — Выстрелы уже прекратились, сейчас они клубом занимаются, а потом всю парковку оцепят.

Не знаю, на что я надеялась. Может, на то, что он прислушается к моим словам, оценит всю опасность ситуации и сбежит. Но ответом мне был лишь наглый, сдавленный смех.

— Не переживай, они ничего мне не сделают. — Он так уверенно это заявил, что я сразу поняла: что-то тут не чисто.

Стресс, паника и тревога затопили по самую макушку, а в таком состоянии я не умела себя контролировать и моментом впадала в истерику. Текущая ситуация не была исключением.

— Решил меня в заложницы взять, придурок? А вот хрен! Никуда я с тобой не пойду. А тронешь хоть пальцем — мой папочка тебе голову снесёт и яйца отстрелит. Он у меня знает кто?

— Не знаю, но догадываюсь, что ты меня сейчас просветишь, — хмыкнул мерзавец и так резко рванул в мою сторону, что я даже отреагировать не успела. В секунду была поймана и прижата к сильному мужскому телу.

Одной рукой он обхватил мою талию, а второй убрал волосы с плеча и коснулся пальцами оставленной им метки.

Знакомый разряд тока прошёлся по спине, возвращая

чувство невесомости и тёплые волны возбуждения по всему телу. В то время когда разум визжал «беги, спасайся», это самое тело будто жило собственной жизнью и само решало, как ему реагировать на то или иное действие стоящего рядом волка.

— Больно было?

— Какие заботливые нынче оборотни пошли. Сначала пугают до дрожи в коленях, а потом интересуются, не больно ли тебе было.

Я хотела, чтобы слова прозвучали издевательски, но, кажется, не вышло. Он продолжил забавляться, лаская мою шею.

— Так ты поэтому дрожала? Из-за страха? А мне казалось, тебе понравилось.

Если копы его всё же загребут, я сверху статью за этот гипнотический шёпот повешу и за смущение, которому в данной ситуации было не место.

— Не знаю, какие девушки тебе прежде встречались, но мне не нравится, когда незнакомые мужчины тычут в меня своими клыками и приборами.

— Если ты так стонала, когда тебе не нравилось, представляю, что будет, когда я доведу тебя до оргазма, Лоллипоп. — От того, как ласково в его устах прозвучало моё имя, сердце предательски пропустило удар.

Этот волк точно какой-то ведьмак, иначе как я могла испытывать к нему одновременно жгучую ненависть и сума-

сшедшее желание, в котором не было ничего нормального.

— Отвали, придурок!

— Ты действительно этого хочешь?

«Да»! «Нет»! «Не знаю»!

Действовать нужно было сейчас, пока я ещё не превратилась в безвольную куклу.

Обмякнув в его объятиях, я подгадала момент, когда парень расслабится, и заехала ему локтем прямо по рёбрам. Глухо рыкнув, он ослабил хватку на моей талии, но вырваться всё равно не дал. Я забилась в кольцо его рук, как птица в клетке, и, не удержавшись, полетела на землю.

Удара не случилось. Волк смягчил моё падение своей тушей. Затем завёл мне руки за спину и, притянув меня к себе, обрушился на мои губы жестким, голодным поцелуем.

Я начала вырываться и не заметила, как юбка задралась до самой талии, выставляя на всеобщее обозрение мои обтянутые чёрными ажурными трусиками ягодицы. Только когда их сжала лапа наглого волка, я поняла, что если сейчас ничего не предприму, то лишусь невинности. А это не совсем то место и время. И уж совсем не тот мужчина!

Пытаясь причинить ему боль, я впилась клыками в его нижнюю губу и чуть не застонала от блаженства, когда языка коснулся сладкий и пряный одновременно вкус моей любимой, второй отрицательной.

Как ни странно, парень не отпрянул. Наоборот, он углубил поцелуй, сплетая наши языки и слизывая с моего соб-

ственную кровь.

Понятия не имею, сколько прошло времени и как далеко мы бы зашли, если бы на нас не упала тень и насмешливый мужской голос не рассеял волшебный туман, которым заволокло мои мозги.

— Сержант Райт, простите, что прерываю ваш интим, но только что звонил инспектор. Он вызывает вас на ковёр.

Что? Сержант? Нет, ну нормально вообще?

— Был бы у него ещё этот ковёр, — пробормотал оторвавшийся от исследования моего рта оборотень.

Быстро поднявшись сам, он помог подняться мне, но не отпустил. Развернул к себе спиной и защёлкнул на запястьях невесть откуда взявшиеся наручники.

— Что ты себе позволяешь, ублюдок?

— Майк, заberi девчонку в участок. Пусть дожидается меня в камере. — Хлопнув меня на прощание по заднице, мерзавец передал ключи стоявшему рядом с нами копу и направился в сторону клуба.

— Какого черта? — громко возмутилась я, наблюдая удаляющуюся спину. — Ты не имеешь права!

— Нападение на сотрудника полиции, оскорбление сотрудника полиции, срыв полицейской операции. Мне дальше перечислять?

— Да пошёл ты! Я требую адвоката!

Глава 5

Заехав на освещенную уличными фонарями парковку перед участком, Ноа вклинил свой байк между двумя патрульными машинами, стащил с головы шлем и повесил его на зеркало. Затем прошелся пятерней по ежику темных волос, шумно выдохнул и направился ко входу в здание.

Телефон в заднем кармане джинсов не переставал вибрировать от бесконечных звонков, но он не брал трубку, прекрасно зная, кому так не терпится пустить ему кровь.

Пошел к черту, Олсен. Сначала душ, а потом головомойка. И никак иначе.

Прошло три часа с того момента, как операция под неофициальным названием «Прижучь говнюка Бенкса» пошла псу под хвост. За это время Ноа вместе со своими парнями успел прошерстить «Санрайс клуб» и всю оцепленную перед ним территорию в поисках сбежавшего ублюдка Олле Ларсона. Но все без толку.

Крыса оказалась проворнее и успела залечь на дно, забыв про двух своих дружков. Мертвых дружков, если точнее. Правда, хорошего в этом было чертовски мало.

Целый год налаживать связи, пасти мелкую шайку Сойера Бенкса, чтобы с их помощью выйти на рыбешку покрупнее, и так по-тупому облажаться. Как бы ни назвал его инспектор, как бы ни опустил при всех коллегах — этого будет мало.

Показав бейджик и отсалютовав стоящему на страже новичку, Ноа завернул в раздевалку, вытащил из своего ящика чистые вещи и направился в душевую, где благодаря позднему времени не было ни души.

Холодная вода помогла прочистить мозги и взбодриться получше чашки горячего американо. Мысли заработали с удвоенной скоростью, анализируя все допущенные сегодня ошибки и прикидывая пути их устранения. Ведь являться с пустыми руками к Олсену приравнивалось к самоубийству. Старик в гневе мог и работы лишить, а для Ноа это было смерти подобно.

В фойе на втором этаже его встретил напоминавший бочку с ножками заклятый дружок Сэмми Смит. Гоблин был известным лизоблюдом, предпочитающим полевой работе стопки бумажек.

— Ноа, какими судьбами? — расплылся он в фальшивой улыбке, демонстрирующей новенькие виниры.

«А то ты, мудака, не в курсе! Вон как глазки бегают», — мысленно рыкнул волк.

— К мамаше твоей в гости заскочить решил.

— Фу, как грубо!

Даже не остановившись, Ноа прошел вперед и подмигнул сидевшей за столиком секретарше.

— Эми, Олсен у себя?

— Ага, злой как черт, — подавшись вперед, зашептала девушка.

Ткань ее белой блузки так сильно натянула полновесную четверку, что маленькая пуговица того и гляди помашет хозяйке ручкой и отлетит к стене.

Еще утром это зрелище заставило бы Райта хорошенько насладиться открывшимися видами, а после пригласить симпатичную брюнетку к себе на «чай», тем более что в ее согласии он не сомневался.

Утром. Но не сейчас.

Тот рубильник, что отвечал в его организме за функцию возбуждения, отказывался включаться. А исходящий от девушки цветочный запах дорогих духов вызывал только одно желание — чихнуть.

Он знал причину, но предпочел сейчас о ней не вспоминать. У него еще будет время разобраться с мелкой проблемой, что подобно разрушительному торнадо смела на нет все его планы и надежды. Леденец, черт бы ее побрал!

Открывая дверь в кабинет инспектора, Райт чувствовал себя так, словно без какой-либо защиты входил в логово голодного льва. Может, Хэнк Олсен и выглядел безобидным седым старичком ростом пара футов в прыжке, но его немигающий взгляд обещал смерть любому идиоту, посмевавшему заявиться с плохими вестями.

Ноа как раз и был сейчас в роли этого идиота.

— Какого, мать его, черта, Райт? — прорычал старик, как только за парнем закрылась дверь. — Я три часа пытаюсь до тебя дозвониться, а ты не берешь трубку!

— Простите, сэр, телефон был на беззвучном. Я только что освободился.

Стоять под пристальным взглядом Олсена было еще то удовольствие, но присесть ему не предложили, а значит, пить собираются долго и нудно. Тою мать!

— Ну давай, щенок, рассказывай мне, как просрал целый год работы. И было бы из-за чего — из-за бабы какой-то... — Ноа поморщился, но спорить не стал. Знал, что Хэнк прав.

— Если бы я не вступился за нее, они бы ее прямо там, на парковке, по кругу пустили.

— Рыцарь гребаный! Зачем ты Сойера сожрать пытался? Как нам теперь на братца его выходить, ты подумал? Идиота кусок!

— Они не хотели ее отпускать, мне пришлось... оставить на ней брачную метку.

— Что? Какого черта, Ноа?

— Это было их условие, сэр. По-другому мне ее было не вытащить.

— Ладно, ты поставил метку. Но убивать-то зачем? Ты знаешь, чем тебе это грозит? В лучшем случае — лишением значка, мать его!

— Никак нет, сэр. Согласно Лондонской конвенции о правах существ, угроза сексуального насилия над отмеченными брачными метками карается смертью.

— Ты кто, судья, чтобы приговоры выносить, Райт?

— Я защищал то, что принадлежит мне по праву. И ни

капли об этом не жалею.

— Брачная метка сойдет через две-три недели, и что? Ты теперь вместо работы будешь круглые сутки как кость свою девку сторожить?

— Я уже принял меры, сэр. Моей работе она не мешает. Вспомнив, какие именно меры он принял, Ноа мысленно усмехнулся.

— Очень надеюсь, сынок, — тяжело выдохнул старик. Излив всю ярость, он чувствовал, как ее место заняла давящая усталость. — Не хотелось бы переводить тебя в патрульные.

— Вы правы, сэр, ведь тогда участок лишится лучшего детектива в городе.

— Чертов ублюдок, — расхохотался Олсен. — Самомнения тебе не занимать. Что делать собираешься? Как дыры теперь латать?

— У старшего Бенкса нет причин связывать смерть брата с полицейской охотой. Даже если ему донесут о том, что произошло, он решит, что Сойер стал жертвой обычного торгаша, работающего на ванкуверских ведьм, а копы у клуба появились по чьей-то наводке. Закинем в его окружение своего человека и посадим самого жирного мафиози доживать свои деньки в «Палло-Алидо» — самой охраняемой тюрьме страны.

— Хороший план, а сейчас передай все документы Навицки. Ты отстранен от дела.

— Какого черта? — опешил Ноа, — Я вел его целый год,

а теперь этот хряк будет пожинать плоды?

— Вел целый год и просрал за час. Впредь будешь умнее, сынок.

Ничего ему не ответив, Ноа на прощание хлопнул дверью так, что она чуть не слетела с петель. Не обращая внимания на застывшую от страха секретаршу, он бросился к лестнице, ведущей в тренировочный зал, чтобы на боксерской груше выплеснуть переполнявшие его негативные эмоции.

Пригодится перед встречей с горячей блондиночкой, чей острый язычок и взрывной характер даже святого способны вывести из себя.

Глава 6

Однажды в средней школе меня с моей подругой Грейс Вачовски старшеклассницы поймали на «слабо». Необходимо было провести ночь в заброшенной лачуге на окраине города, где, по слухам, жили привидения. Мы, конечно, в них не верили, но были готовы к тому, что парочку немых бездомных своим присутствием потревожим.

Как выяснилось потом, бездомные в том доме не водились, зато водилась шайка ведьм-травниц, промышлявших незаконной торговлей отравляющими зельями. С ними-то мы, возможно, и смогли бы договориться, но именно эту ночь копы выбрали для облавы и замели нас с подругой за компанию.

Та история закончилась более-менее хорошо. Нам на помощь пришел мой папочка, который, словно всемогущий Бэтмен, вырвал нас из лап закона и... приговорил к недельному домашнему аресту. По отдельности, конечно.

Я до сих пор помню едкий запах плесени, немых тел и алкоголя, что царил в камерах временного содержания. Одежду тогда пришлось сжечь, а в ванной отмокать чуть ли не полночи.

Казалось, те воспоминания я надежно похоронила под ворохом новых, но стоило блондинистому копу с парковки затащить меня в под завязку набитый заключенными изоля-

тор, как с головой накрыло ощущение дежавю.

Тот же запах, те же страшные лица с плотоядными взглядами и похотливыми улыбками, а самое главное — тот же страх внутри меня, инстинктивный и всепоглощающий, как если оказываешься нос к носу с кровожадным хищником без единого шанса убежать или спрятаться.

— Давай ее ко мне, парень. Натяну эту блондинку по самые гланды, ха-ха!

Только бы не к лысому троллю, только бы не к нему. Фух, идем дальше.

— Лучше к нам ее тащи. Мы знаем, как ублажать таких горячих кисок!

Только бы не к этим двум козлоногим, с их длинными мерзкими языками. О, кажется, пронесло.

Майк — вроде так назвал его желтоглазый мудака — звякнул связкой ключей и открыл самую последнюю камеру, где в тесноте на приколоченных к серой стене деревянных досках лежали две женщины. Толкнув меня внутрь, он не забыл снять ненавистные наручники, что успели до красноты натереть мне запястья.

— Вы не можете оставить меня здесь, я ничего не нарушала! — закричала я, вцепившись пальцами в холодные прутья захлопнувшейся решетчатой двери. — Я знаю свои права, мой отец...

— Девочка, побереги свои крики для Ноа. Я тут мало чем могу тебе помочь, — развел руками парень и направился

к выходу.

— Я подам на вас всех в суд, так и знайте! — ответом мне был раздавшийся за спиной лающий смех.

Обернувшись, я поймала на себе веселый взгляд рыжеволосой красотки, одетой лишь в полупрозрачное боди и черные лакированные ботфорты, и злобный прищур толстой мулатки, красующейся в бандане с черепами, бесформенной синей футболке и джинсовых шортах, демонстрирующих заплывшие жиром ляжки.

Первая, судя по желтым глазам, относилась к оборотням. С некоторых пор я о них не самого лучшего мнения, но эта опасений не вызывала. А вот вторая, дитя любви вечно угрюмого кобольда и уродливой гарпии, успела покрошить меня взглядом на картофельный салат и заправить горчичным соусом.

— Ты чего такая горластая, бимбо? — мулатка сплюнула на грязный пол и начала медленно вставать. — Тут некоторые спать пытаются, а она развопилась, как драная кошка. А ну умолкни!

— А не пошла бы ты? — ответила я прежде, чем задумалась о последствиях.

Черт, ну кто меня за язык тянул?

У толстой задницы глаза заволкло красным туманом, а нижняя челюсть выдвинулась вперед. Сжав ладони в кулаки, она очень прытко для своего телосложения рванула ко мне и со звоном впечаталась в металлическую решетку. Я успела

сигануть в сторону, но победа была недолгой. Быстро оклемавшись, мулатка опять бросилась на меня и в этот раз успела схватить за волосы.

Мой крик привел заключенных в неистовство. Кто-то ржал, кто-то выкрикивал непристойности, остальные подбадривали или, наоборот, угрожали мне страшной карой. Я же все это время пыталась избежать пинков мулатки и отцепить ее от своих волос.

Не думаю, что смогла бы продержаться дольше пяти минут, если бы не вмешалась рыжая соседка. Подскочив к нам, она оттолкнула от меня мулатку и угрожающе щелкнула в ее сторону зубами.

— Мама Зола, прекращай этот цирк, или я тебя покусаяю, — бросила она через плечо, подошла ко мне и помогла подняться на ноги. — А ты, цветочек, и вправду не кричи. Копы к тебе все равно не спустятся, пустое это.

— Чего ты ее защищаешь, Энджи? Эта блондинка считает себя выше нас всех, ее нужно проучить, — прорычала мулатка.

— Ты слепая? Она же девчонка совсем. От нее страхом пахнет. И брачная метка свежая на шее. Ее оставил кто-то из моих братьев.

Брачная метка? Что за бред?

Уточнить я не успела. В коридоре появился запыхавшийся Майк, а с ним еще парочка ребят, вооруженных резиновыми дубинками.

— Что тут за крики? А ну заткнитесь нахрен!

— Это все новенькая блондинистая сучка! — заревели козлоногие, и к ним присоединилась куча голосов, включая маму Золу.

Майк подошел к нашей клетке и тяжело вздохнул.

— Девочка, тебе проблем мало? Ну так мы можем их устроить.

Его слова были подобны пинку, что придал ускорение моим мозгам. Вспомнив о законе, одинаковом для всех, я подлетела к решетке.

— Дайте мне позвонить. Я имею право на один звонок!

Я по глазам видела: он хочет мне отказать, да только вот причин не имеет. Тут куча свидетелей, и в случае чего любой адвокат за подобное нарушение с него три шкуры снимет.

— Тащи сюда свой зад, — звякнув связкой ключей, парень открыл дверь, дождался, когда я подойду к нему, схватил за локоть и потащил в небольшой закуток в самом начале коридора, где стоял старый таксофон. — У тебя есть пять минут, не больше.

Нет, ну нормально вообще?

Во-первых, я понятия не имела, кому звонить. Отцу с матерью нельзя. Я потом из дома только под конвоем выйти смогу. Кай тоже отпадает: он трепло и разболтает все родителям. Остается Куки, но велик риск, что за молчание она с меня три шкуры сдерет.

А во-вторых, кто в здравом уме запоминает номера всех

своих родственников? Прогресс позволяет нам записывать их в памяти телефона и нажимать на кнопки в случае нужды. К таксофонам жизнь меня не готовила.

— Ты долго еще столбом стоять будешь? — не выдержал Майк.

— Сколько надо, столько и буду. Я номер вспоминаю!

И ведь действительно вспомнила. Память порой творит чудеса.

— Алло? — раздался в трубке мелодичный голос Куки Картер, услышав который, я чуть не зарыдала от облегчения.

— Печенька, это я, Лолли. Мне нужна твоя помощь!

— Леденец? Какого черта ты звонишь посреди ночи? Я сплю вообще-то.

— Бери ноги в руки и приезжай за мной в полицейский участок. Если не поторопишься, меня тут одна здоровая мулатка в коврик для ног превратит.

— Что? Где ты находишься?

— Я сейчас передам трубку парню, он скажет тебе, куда нужно ехать. Только умоляю, никому ни слова! — не слушая ее крики, я схватила опешившего Майка за грудки и всучила ему трубку. — Ты все слышал? Диктуй ей адрес!

Глава 7

Ноа, не жалея сил, махал руками, мысленно представляя на месте боксерской груши голову хряка Навицки, которому старик Олсен чуть ли не на блюдечке преподнес почти законченное дело. А оно, между прочим, стопроцентным повышением папахивало.

Да, сам виноват, не сдержался. Пошел на поводу у животных инстинктов. Но кто, мать его, не ошибается? Все такие святые, что ли?

Работа всегда была для Райта на первом месте. Любимой женой. Любовницей. Той единственной, на которую он был готов тратить все свое время. А теперь из-за собственной тупости будет вынужден наблюдать за тем, как другие наслаждаются результатами его стараний.

А самое смешное, что та, ради которой он так облажался, ненавидит его не меньше тех громил, от которых он ее спас.

Ну вот, стоило вспомнить о блондинистой малышке с оленьими глазками, как о себе тут же напомнил внушительный стояк в штанах.

А все эта гребаная метка, будь она неладна. Если бы хоть одна душа предупредила его о подобной реакции на простой укус, он бы тысячу раз подумал, прежде чем идти на поводу у своих рыцарских инстинктов.

Увидел беззащитную, испуганную крошку, и его словно

черт дернул: сначала назвать ее своей, а потом пометить тем способом, которым мужчины его вида метили только свою пару.

Ублюдок Сойер! Чтоб тебя в аду черти отодрали!

Он же теперь не успокоится, пока хорошенько ее не трахнет. Раза два-три, а может и больше. Горячая девочка. И язык без костей. Только слепой дурак вроде него мог счесть ее беззащитной. Хитрая лисица, обвела всех вокруг пальца и чуть не слиняла. Хорошо, он заметил.

Было бы время — он бы отвез ее к себе. Пристегнул наручниками к кровати, объяснил, на что они с ней подписались благодаря метке, и ушел, оставив ее до утра переваривать полученную информацию. Но выбора не было, и пришлось действовать по ситуации.

Не лучшее начало знакомства, но теперь уже ничего не поделаешь. Вампирочке придется смириться и потерпеть пару недель, пока метка не исчезнет, освободив Ноа от неукротимого желания и собственнических замашек.

— Сержант Райт, я так больше не могу, — простонал застывший в дверях Майк. — Ваша заключенная меня с ума сведет.

Обреченный взгляд и кислая рожа молодого копа вызвали у Ноа раскатистый смех, который наполнил пустое помещение, отдаваясь эхом от бетонных стен.

— Майк, она всего лишь девчонка...

— Всего лишь? Да она за последние полчаса успела под-

нять на уши пол-участка. Ввязалась в драку, поругалась со всеми заключенными, а сейчас сидит и горланит песни со своими соседками.

— В какую, мать его, драку? Ты куда смотрел? С ней все в порядке? — нахмурившись, Райт дождался, когда испуганный его реакцией парень кивнет, затем стащил с рук перчатки и бросил их на деревянный пол. — Спустись вниз и проследи, чтобы ее даже пальцем не тронули. Я скоро буду.

— Есть, сэр!

На то, чтобы смыть с себя пот и переодеться, у Ноа ушло около пятнадцати минут. В участке его ничего не держало. Заберет свой «леденец» и уедет домой отсыпаться...

Вот только стоило ему переступить порог изолятора и услышать, как их частая гостья мама Зола красивым, бархатистым тембром исполняет гимн всех стриптизерш «Шляпу можешь не снимать»[1], а его клыкастик, держась за прутья решетки и не отрывая глаз от стоящего напротив и пускающего слюни Майка, страстно извивается — настроение скатилось на самое дно. Будто что-то вспыхнуло внутри, обожгло пламенем внутренности. Ладони сжались в кулаки, а выросшие вместо ногтей когти впились в кожу.

Один взгляд на чертовку вышибал из легких воздух. Только вот танцевала она не для него. И это злило до зеленых бесов в глазах.

Похожее чувство он испытал, когда Сойер вцепился в ее короткий топ своими жирными пальцами. Долго он после

этого не прожил.

— Майк, выйди, — раскатисто прорычал Ноа, и в камере образовалась оглушающая тишина.

Энджи и мама Зола оказались мировыми девчонками. И если волчица понравилась мне практически сразу, то к мулатке пришлось хорошенько присмотреться. Вернее, спеться.

Услышав, как я, страдая от одиночества и непонимания, затянула свою любимую песню «Уважение» [2], мама Зола оттаяла и присоединилась.

Потом было еще несколько довольно известных композиций, которые подхватили уже все обитатели изолятора, включая тролля и козлоногих, а закончилось все тем, что Энджи начала учить нас с мамой Золой танцевать стриптиз, используя вместо пилона прутья решетки. Ну а я в свою очередь решила подразнить старину Майки, который прилип к нашей камере, словно репейник, и не отходил ни на шаг.

Все равно делать было нечего, а до появления Куки по меньшей мере еще полчаса. Пока разыщет адвоката, пока доедет, пока все бумаги оформят...

Ни громкое пение, ни хлопки из соседних камер не заглушили для меня тяжелых шагов, раздавшихся у входа в изолятор. Я была словно настроена на этот звук. Ждала его. Считала секунды. И даже не подозревала об этом.

То место, где находилась волчья метка, резко заныло, по

телу разлилась приятная нега, а мысли в голове заволокло туманом.

Грубый голос, отдавший приказ Майку покинуть изолятор, прошелся по нервам зябким холодком.

Желтоглазый ублюдок, которого я при первой встрече приняла за торгаша, успел принять душ и переодеться. Заляпанные кровью джинсы и футболку сменили черные полицейские карго-штаны и чистая серая футболка с эмблемой полицейской службы Оттавы — ее я узнала сразу, у отца на форме такая же, — а на плечах появилась кобура.

Поравнявшись с нашей камерой, он подмигнул моим соседкам, а встретившись со мной взглядом, скривил красивый рот в циничной усмешке.

— Скучала, сладкая?

— Как видишь, нет, — развела я руками и расплылась в ответной фальшивой улыбке. — Мы с Майки прекрасно развлекались, пока ты своим появлением не испортил все веселье.

— Собирайся, сейчас поедem ко мне и сможешь продолжить. Поверь, в отличие от «Майки», я буду не только глазеть.

— А не пошел бы ты?

— Есть второй вариант. Остаешься здесь до утра, — развел он руками, демонстрируя полное безразличие к моему выбору.

— Ты не имеешь права меня здесь держать. Ты даже не

представился. Откуда мне было знать, что ты полицейский и у вас проходит какая-то операция? Мой адвокат тебя по стенке размажет, да еще и моральную компенсацию взыщет.

— Кто-то, я смотрю, пересмотрел «Закон и порядок»[3]?

— Кто-то прыгает выше своих полномочий?

— А может, кому-то снять номер и уединиться? — влезла в нашу перепалку Энджи. — Правда, ребят, вы забыли, где находитесь? Выступление поинтереснее, чем «Цирк дю Солей».

— Вот еще, с этим волчарой уединяться. Я себя не на помойке нашла, — фыркнула я и отошла на шаг от решетки. Кто знает этого психа, кинется еще, а я от бешенства не привита.

— Как хочешь, Леденец, — пожал плечами парень. — Я хотел предложить тебе комфортные условия своей спальни, а ты выбрала вонючую камеру.

— Имела я... в виду тебя и твое предложение! — прозвучало как-то неуверенно даже для моего уха.

Не знай я, что Куки на подходе, может, и задумалась бы, ведь где-то там, внутри, под жгучей ненавистью, я вновь переживала те секунды, когда его клыки были глубоко в моей шее, а твердая плоть упиралась в мои ягодицы...

— А вот я бы не отказалась, — протянула развалившаяся на досках Энджи. — Зачем тебе эта крошка, Райт? Я умею намного больше.

Взгляд копа метнулся в ее сторону, медленно прошелся по

красивому лицу и ладному телу. Я внезапно почувствовала, как внутри все похолодело и напряглось.

— Прости, рыжик, но ближайшие пару недель я практикую моногамию. — *И что это значит?* — Увидимся утром, Лоллипоп.

— Мечтай, псина! — прокричала я ему вслед и показала два средних пальца.

[1] «You can leave your hat on», исп. Джо Кокер

[2] «Respect» исп. Арета Франклин

[3] «Закон и порядок» — американский полицейский, процедуральный и юридический телесериал.

Глава 8

Думаю, каждому знакомо такое чувство, когда пора бы поспать: зеваешь безостановочно, даже уже глаза закрыл и приготовился, но тут в голову начинают лезть тревожные мысли — и о сне можно благополучно забыть.

Энджи, лежа на досках, тихонько посапывала. Мама Зола, привалившись щекой к стене, храпела, как раненый в ягодичную мышцу бегемот. А я слушала эту какофонию звуков и переживала за оставшегося без ужина и моих вечерних обнимашек Шабо. Пережить-то он, конечно, переживет, но вот мстить будет долго и со вкусом.

Мой рыжий персидский котяра, помимо основного, носил еще с десятков имен, среди которых чаще других упоминались: «Кусок шерсти», «Вонючка» и «Злодей». И все они были заслуженными.

Доставшись мне по наследству от покойной бабули Мари, славившейся в роду своим вредным характером, он так сильно напоминал ее как внешне, так и нравом, что волей-неволей согласишься в реинкарнацию.

Но несмотря ни на что, я души не чаяла в своем пушистом монстре. Вот и сейчас сердце кровью обливалось, когда представляла его лежащим на моей половине кровати, в ожидании невезучей хозяйки.

— Картер, на выход, — звякнув железными ключами, ка-

кой-то новенький коп, сменивший на посту Майка, открыл решетчатую дверь и уставился на меня в упор.

Мои соседки по камере завозились, но глаз не открыли, а я не решилась их будить, подумав, что лучше обойтись без прощальных слов. Наши дорожки вряд ли еще пересекутся, так к чему лишние сантименты?

Проследовав за парнем до самой двери, что отделяла изолятор от остального участка, я дождалась, когда он ее откроет, переступила через порог и угодила в теплые объятия любимой сестренки.

В новенькой пижаме, хлопая сонными глазами, она как лучик солнца озарила темноту подземелья, в которое меня упек мерзкий оборотень.

— Лоллипоп Картер, какого черта? — прошипела Куки, оторвавшись от меня и пройдясь неодобрительным взглядом по моим всклокоченным волосам, мятой одежде и босым ногам.

Каблуки я скрепила ремешками и закинула на плечо. Ноги нещадно ныли, и усугублять ситуацию пыточной обувью — пусть и от именитого дизайнера — не очень-то хотелось.

— Я ни в чем не виновата, — поймав внимательный взгляд дежурного копа, я наклонилась к сестре и зашептала ей на ухо: — Куки, прошу, скажи, что меня отпускают? Я так устала и хочу спать.

— Я связалась с Кевином, он все уладил. Да и улаживать было нечего: у них ничего на тебя нет. Расскажи, кто тебя

сюда привел, и я натравлю на него папочку.

Представив лицо Максимуса Картера, когда он узнает обо всех произошедших сегодня событиях, начиная с шайки схвативших меня бандитов и заканчивая ночью в изоляторе, я пришла в ужас.

— Только не папочку. Умоляю, Куки, ничего ему не говори! — изобразив щенячьи глазки, я прикусила нижнюю губу и даже пару раз притворно всхлипнула, в попытке разжалобить сестренку.

— Хорошо, я подумаю, но ты должна все мне рассказать. Ничего не утаивая, — ее голос оставался твердым, но в глазах читалось беспокойство.

— Расскажу, только дай мне добраться до дома, принять душ и обнять Шабо.

— Не знаю, как все остальное, но душ тебе точно не помешает. Запах странный, будто ты полночи с бездомными псами кувыркалась.

— Что-то вроде того...

Когда Куки припарковала свой «МИНИ Купер» во дворе арендованного мною одноэтажного кирпичного домика, на улице уже светало.

Еле переставляя ноги, я дошла до двери, приподняла стоявшее рядом кашпо с туей, достала лежащий под ним ключ и открыла замок. Печеньку я вперед не пустила, зная, что Шабо наверняка слышал шум мотора и сейчас готовится встре-

тить непрошенных гостей.

Кот не подкачал.

Выскочив в прихожую, он, на манер злобного сторожевого пса, зычно мяукнул, приподнялся на задние лапы, выставил коготки и приготовился напасть. Однако быстро осознал, что в дом нагрянули не воры, а нерадивая хозяйка. Окинул меня презрительным взглядом, развернулся и, помахивая пушистым хвостиком, скрылся в спальне.

— Ты погляди, обидчивый какой. Нет бы спросить, что произошло. Пожалеть меня, в конце концов.

Показав ему язык, я кивнула сестре в сторону кухни, а сама потопала в душевую, где чуть не уснула стоя, прислонившись лбом к кафелю.

Когда я вышла, закутавшись в махровый халат и соорудив на голове чалму из полотенца, Куки уже разлила по стаканам найденный в холодильнике пакет с кровью. Подперев ладонью подбородок, она ожидала, когда я сяду рядом и приступлю к рассказу.

— Я не знаю, с чего начать. Все в голове перемешалось. Уже не соображаю, — призналась я, пригубив бокал.

Первый глоток обжег горло и легким покалыванием растекался по всему телу, возвращая силы и утраченную энергию.

— Можешь начать с отметины у тебя на шее. Я ее еще в машине заметила, — подмигнула сестренка, явно решив, что мне кто-то засос успел поставить.

— Это все волк!

— Волк? — удивленно воскликнула Куки и подалась вперед: — А ну давай подробнее!

Ну я и рассказала.

Сначала о том, как приехала в клуб в Каю, но не успела войти, услышав не предназначенный для моих ушей разговор шайки бандитов. На том моменте, где они поймали меня и принялись угрожать, у Печеньки глаза стали размером с пятицентовики. На укусе оборотня я внимание не заостряла. Испытанные ощущения были очень личными, и делиться ими, даже с любимой сестренкой, не хотелось. Зато описание сцены перестрелки повергло ее в шок. А внезапное преобразование оборотня в копа и последующий мой арест вызвали нешуточное возмущение.

— Одного не пойму: зачем он тебя в камеру посадил? — спросила Куки, когда я закончила и со своими приключениями, и с кровью.

— Придурок, потому что. Я ему операцию завалила, отомстить, похоже, решил.

— Странно все это. Он, выходит, спас тебя от тех громил — и тут же за решетку... Может, в метке дело?

— А ты что-то знаешь об этих метках? Я с оборотнями раньше дел не имела, но слышала, как Энджи, моя соседка по камере, назвала ее «брачной».

— Прости, сестренка, но я тоже не сильно в теме. Читала, что такой отметиной оборотни свадебный обряд заканчивают. Что-то вроде присвоения... собственнические замороч-

ки, — она махнула рукой, показывая, что смысла в подобном ритуале не много. — Но знаешь, ты права. Папочке этой истории лучше не знать. Крепче спать будет. Я позвоню Кевину и предупрежу, чтобы держал рот на замке.

— Спасибо, Печенька!

— Спасибо в кармане не звенит. Будешь должна, — подмигнула мне Куки. — Кто знает, вдруг мне тоже понадобится помощь, вот и напрягу тебя.

— Напрягай сколько хочешь. Ты же знаешь, я ради тебя на все готова.

— Так уж и на все? — рассмеялась плутовка. — Ты не думай, я не дурочка и заметила, как ты губки кусала, когда про своего волка рассказывала.

— Ничего подобного...

— Смотри, к родителям в гости не заявись, пока метка не сойдет. Отец взбесится, устроит детальный допрос и объявит месяц домашнего ареста. За ним не заржавеет.

— Черт! Я обещала им с мамой сегодня вечером прийти на ужин, — тут же поникла я. — И что теперь делать?

— Обвяжи шею шарфиком и скажи, что это последний писк ванкуверской моды.

— Или лучше притворюсь больной.

— Тоже вариант.

Обменявшись поцелуями, я проводила сестру до двери, дождалась, когда она сядет в машину, закрыла замок и поплелась в спальню.

Паршивец Шабо развалился поперек кровати и больно царапнул меня по руке, когда я попыталась отвоевать себе местечко. Пришлось даже изобразить адские муки, чтобы комок шерсти смилостивился, подвинулся, а затем и вовсе улегся у меня под боком, добросердечно позволив трепать его за ушком.

А потом был сон. Чувственный и пьянящий, в котором я снова и снова переживала тот безумный момент, когда в мою шею впивались острые клыки, сильные руки прижимали к крепкой мужской груди, а по телу разливалась сладкая истома.

Чертов оборотень, и тут меня достал!

Глава 9

Лунный свет прорывался сквозь густую крону деревьев, растекаясь дрожащей зыбью по петляющим дорожкам. Но крупному серому волку не было до него никакого дела. Его вел запах.

Липовый мед. Именно так пахла невинная жертва, что, не жалея сил, неслась вперед, подальше от преследовавшего ее зверя. Он слышал ее прерывистое дыхание, чуял ее страх, и это еще больше распаляло охотничий азарт.

Нежная и ранимая девочка, которую хотелось защитить, приласкать и... трахнуть. Да так, чтобы ходить не могла, не то что бегать.

Наконец она остановилась. Вернее, оступилась и упала на сухую листву. Затем быстро перевернулась на спину и закрыла лицо руками, ожидая внезапной атаки.

Прошла минута, за ней вторая, а зверь все не торопился. Застыл в трех футах и прожигал гипнотическим взглядом желтых, как сама луна, глаз распластанное на земле обнаженное тело. Ее длинные светлые волосы спутал туман, превратив в соблазнительную ведьму. Белая кожа, пухлые алые губы, аккуратная грудь с мелкими камешками сосков, округлые бедра и крепко сжатые изящные ножки — все это сводило волка с ума, вызывая неистовое желание владеть и подчинять.

Одна его половина рвалась вперед, диктуя свои условия — подмять ее под себя, впиться ноющими клыками в шею и вколачиваться в истекающее сладкими соками девичье лono, пока их обоих не унесет к небесам, а вторая умоляла не спешить, дать ей время привыкнуть, приручить к себе.

— Держись от меня подальше, ты, меховая шуба!

Даже испуганная, она пыталась командовать. Отважная мелкая вампирочка с самыми сексуальными клыками на свете.

Это походило на вызов, и волк решил не оставлять его без внимания. Медленно приблизился и издал горловой рык, заставивший девушку отползти назад и прижаться спиной к стволу дерева. Ее ноги согнулись в коленях и разъехались в стороны. Хищный взгляд впился в гладкую, блестящую промежность. От запаха ее соков его всего затрясло. Голова пошла кругом. Жадно всасывая в легкие воздух, волк навис над своей жертвой.

Маленькие кулаки замолотили по покрытому шерстью загривку, когда зверь уткнулся влажным носом в ее живот.

— Ноа! — чужой, писклявый голос вторгся в сознание, вырывая Райта из объятий хмельного сна.

С трудом разлепив глаза, он уставился на забравшуюся к нему в постель обнаженную брюнетку, чьи шаловливые пальчики находились в опасной близости от его утреннего стояка, прикрытого лишь тонкой простыней.

— Глория? Какого черта ты здесь забыла? — прохрипел

парень и отодвинулся к другому краю кровати. — Я тебя не звал.

От волчицы исходил странный приторный запах, от которого щипало в глазах и в горле. С трудом подавив желание посоветовать ей сменить духи или прекратить принимать из них ванну, Ноа быстро поднялся и обернул простыню вокруг пояса.

— Не нужно грубить, милый. А то еще решу, что ты не рад меня видеть.

Сладко потянувшись, она продемонстрировала волку свое подтянутое в нужных местах тело. В иной ситуации он не преминул бы воспользоваться безмолвным приглашением и хорошенько покувыркаться. Волчицы славились выносливостью в постели, а Глория, к тому же, была из тех, кто не прочь поэкспериментировать.

Вроде и поза возбуждающая, и девушка красивая, но внутри у Ноа ничего не всколыхнулось, как, впрочем, и снаружи. Слишком высокая, слишком тренированное тело, слишком большая грудь. Все в ней сегодня было «слишком».

Или есть другое объяснение — гребаная метка сделала из него импотента!

— Прости, детка, но давай в другой раз.

— «В другой раз»? Ты серьезно? — нахмурившись, она вскочила с другой стороны постели.

— Обстоятельства сложились так, что мне пришлось повязать меткой другую девушку. А ты сама знаешь, какие бы-

вают последствия. Так что либо приходи через пару недель, либо оставь ключи от моей квартиры на кухонном столе и закрой за собой дверь.

— Не поняла, ты женился?

Ноа еле сдержал смехок, наблюдая, как давняя любовница, на манер выброшенной на берег рыбы, закрывает и открывает рот.

— Сменить статус завидного холостяка на брачные око-вы? Ты шутишь? Это просто временные трудности.

— При «временных трудностях», как ты это назвал, милый, член, — Глория ткнула пальчиком в означенный орган, чьи контуры даже в спокойном состоянии отчетливо проступали сквозь простыню, — у мужчин продолжает функционировать. А у тебя, судя по всему, проблемы посерьезней.

Тряхнув волосами, она схватила лежащее на полу платье и бросилась к выходу. Вмиг посерьезневший после ее слов волк остался стоять посреди спальни, обхватив мощной пятерней бритый затылок.

— Твою мать, Майк, тебе жить надоело? — Ноа с такой силой ухватился за край толстого дубового стола, что дерево не выдержало и треснуло. — Куда ее перевели?

Застывший на пороге парень, у которого в одной руке подрагивала взятка в виде стаканчика с горячим латте, а под мышкой другой была зажата женская туфелька, нервно облизывал губы, не зная, как признаться в том, что он налажал,

и не отхватить за это от сержанта по полной программе.

— Сэр, прошу прощения. Я за ночь так вымотался, что, когда моя смена подошла к концу, забыл предупредить Мэнсона о девчонке. Ее никуда не переводили. Никаких документов на нее не было, и, когда за ней приехали, ему пришлось ее отпустить.

— С хрена ли кому-то за ней приезжать? Ни одна душа не знала, что она здесь! — из горла оборотня непроизвольно вырвался рык. Держать себя в руках становилось все сложнее.

— Простите, сэр, — Майк понуро опустил голову. — Я забыл вам рассказать. Она заявила, что у нее есть право на один звонок, отказать ей было бы нарушением закона.

— Твою мать! — шумно выдохнув, Ноа прислонился затылком к стене и закрыл глаза. — Сходи к врачу, Майк, пусть выпишет тебе таблеток для памяти, иначе не пройдет и месяца, как тебе придется сменить имя на Дори[1]. Кому она звонила?

— Сестре. Не знаю имени, но девушка называла ее «Печень».

— Готов поспорить, что так ее и зовут, — пробормотал Ноа. — Фамилию помнишь?

— В журнале посещений нашел отметку. Ее фамилия — Картер.

Довольно редкое имя и очень распространенная фамилия. Такую даже шеф их департамента носит. Ну ничего, Леде-

нец, недолго тебе бегать.

— Вот что, Майки. Ты затупил — ты и будешь расхлебывать. Найди мне любую информацию на Лоллипоп Картер: где живет, учится, с кем спит. Все! Время — до вечера.

— Но, сэр, сержант Навицки требует у меня отчет по делу Бенкса. Я не успею.

— Сержант Навицки пусть мамашу свою напрягает. Хочет почивать на моих лаврах, но не желает отрывать задницу от стула. Как это на него похоже. Если ему нужен отчет, может обращаться ко мне напрямую. А сейчас займись нашим общим делом.

— Есть, сэр! — кивнул Майк и направился было к двери, но вдруг резко остановился. — Черт, совсем из головы вылетело.

Подойдя к столу Ноа, он поставил кофе на деревянный подстаканник, а рядом примостил туфлю.

— Девушка перед уходом оставила ее Мэнсону вместе с запиской.

Ноа весело хмыкнул.

Золушка, мать ее!

— Какой еще запиской?

— В ней написано: «Лично в руки шерстяному кобелю»... Я так понимаю, вам, сэр, — засунув руку в карман брюк, он вытащил смятый листок и вручил его Райту. Затем развернулся на сто восемьдесят градусов и, сверкая пятками, скрылся за дверью.

Громко сглотнув, Ноа развернул бумагу и уставился на ровно выведенные красивым почерком буквы.

«Ха-ха! Ну что, соснул, блохастый? Жаль, твое лицо не видела, когда ты пустой камерой любовался. Только посмей подойти ко мне ближе чем на милю — и мой папочка тебе яйца оторвет!»
С любовью, Леденец!»

Закончив читать, Ноа грязно выругался и спрятал записку в заднем кармане полицейских брюк.

Сегодня явно намечался хреновый денек. А он, мать его, уже успел раз мечтаться об утренней разрядке. И что теперь делать? Закрыться в душе и дрочить, пока не попустит? Если бы это еще помогало.

Плевать на ее папочку, пусть он даже премьер-министр Канады. Из-под земли достанет чертовку, поставит на колени и заставит отрабатывать каждое оскорбление, вылетающее из ее красивого ротика.

И ей это точно понравится...

[1] Рыбка Дори – персонаж мультфильма «В поисках Немо», у которой проблемы с краткосрочной памятью.

Глава 10

— Мой милый мальчик! Рыжее солнышко! Смотри, как отощал с нашей последней встречи. Совсем не заботится о тебе эта кровопийца. Пойдешь ко мне жить?

Пока я разливала по бокалам вино, добавив в свой первой положительной, пакет с которой нашелся в холодильнике, Грейс мучила бедняжку Шабо.

Вернее, ей казалось, что она с ним милуется, но мы с котом были совсем другого мнения. И если я еще молчала и не вмешивалась, то пушистый засранец, который все эти «уси-пуси» попросту не переваривал, долго тянуть не стал и оставил на запястье любвеобильной феи длинную царапину.

— Ай, больно же, Злодей! — запищала подруга, отскочив в сторону. — Я к нему со всей любовью, а он как обычно!

— А я предупреждала. Ничему тебя жизнь не учит, — отвернувшись от нее, я подмигнула Шабо.

Кот посчитав свою миссию по встрече гостей выполненной, гордо удалился.

— Я не понимаю, как можно быть одновременно мохнатым злокой и милым обаяшкой, — взяв из моих рук свой бокал, Грейс сделала первый глоток.

— Это же Шабо, — пожав плечами, я села на свободный стул.

Гостей я сегодня не ждала. Решив отоспаться после бес-

сонной ночи, я сказала родителям, что на ужин не приеду. Куки и Каю написала в сообщениях, чтобы не звонили, а вот лучшую подругу, с которой не виделась около трех месяцев, предупредить забыла.

И ведь даже не подумала о том, что Грейс Вачовски в приглашении никогда не нуждалась. Пусть это воздушное создание с остроконечными ушками и выглядело невинным ангелочком, внутри нее жил рогатый демон. И нет, дело не в одержимости, а в строптивом характере и непредсказуемой натуре.

Голова у меня после недолгого, но волнующего сна была ватной, а улыбка на лице большей частью вымученной, но Грейс, кажется, ничего не замечала, собираясь обрушиться на меня как цунами.

— Не томи, рассказывай мне про Ванкувер. Стоил ли он того, чтобы бросать здесь родных и друзей? И ради чего? Каких-то курсов...

— Не каких-то, а самых лучших. Во всем мире нет художника талантливее Эрин Легран, и учиться у нее — не блажь, а обдуманное решение. Мне повезло, что среди сотен тысяч претендентов она выбрала десять талантливых ребят, и я попала в их число.

— Бла-бла-бла, — Грейс заткнула уши и зажмурилась. Она все еще сердилась на меня за внезапный отъезд, хоть и понимала, что мне это было необходимо. — Я слышала эти слова уже тысячу раз. Мне нужны другие подробности, Ле-

денец: чем ты там занималась, с кем встречалась, куда ходила.

— Мисс Вачовски, мы с тобой созванивались каждый день...

— Ты безнадежна, клыкастик. Я надеялась, что вдали от своего тирана-папочки — да-да, не мотай головой, он тиран, хоть и очень добрый — ты вздохнешь полной грудью, найдешь себе парня и простишься наконец со своей девственностью. Но, похоже, случай безнадежнее, чем я думала...

— Я ездила туда учиться, а не парня искать!

— Можно было бы и совместить. Ничего сложного, — она так смешно поджала губы, что я не выдержала и рассмеялась.

Волосы упали на спину, обнажая волчью метку, которая не укрылась от глаз любопытной феи.

— Ну-ка, ну-ка. Что это тут у нас? — она потянулась ко мне руками, и пришлось быстро отпрянуть.

— Не обращай внимания, Шабо поцарапал, — рассказывать ей о своих ночных приключениях я не хотела, так как прекрасно знала, чем это все обернется.

Услышит про brutального оборотня и забудет о том, что вместе с ним на мою добродетель покушалось три лобастых бандита. Дурой еще назовет, что сбежала от психа и вместо номера телефона оставила издевательскую записку. Нет уж, обойдусь без нотаций этой ушастой свахи.

— Что-то не очень похоже на царапину. Засос? — поигрывая бровями, не сдавалась Грейс.

— Ага, оборотень ночью за углом подкараулил.

Как говорится, в каждой шутке есть только доля шутки, все остальное — правда.

— Скажешь тоже. Была б это брачная метка, ты бы сейчас тут со мной не сидела, — отмахнулась подруга, позабыв о моей «царапине». А я, наоборот, не смогла сдержать любопытство и даже подалась вперед.

— Это почему же?

— Потому что свежая волчья метка превращает оборотней в озабоченных собственников. Даже взглянуть на свою пару никому не дают.

— Неужели у тебя...

— Нет, конечно. Я Робу сразу сказала: попробует укусить — и я из него отбивную сделаю. Так что он даже не пытался. Но вот Милли Гаррисон так не повезло. Ты ее помнишь, учились вместе. Бедняжка, ее парень две недели из постели не выпускал, ребенка заделал и замуж позвал. Сейчас вроде второго ждут.

— А почему бедняжка?

— А что же тут хорошего: в девятнадцать лет превратиться в наездку и погрязнуть в быту? — свободолюбивая пчелка Грейс предпочла бы такой участи мгновенную смерть. Ее жизненное кредо было известно всем: живи так, словно завтра никогда не наступит.

— А по мне, если Милли все устраивает, то почему бы и нет? Ее же не насильно под венец тащили.

— А это как посмотреть. Метка на обоих партнеров одинаково действует. Поди разбери, хочешь ли ты его из-за каких-то гормонов в слюне или это все же любовь.

Одинаково...

Меня словно обухом топора по голове огрели.

Какой же надо быть недалекой, чтобы не заметить симптомы! Мне же эротические сны с шестнадцати лет не снились, да еще такие... реалистичные. А моя реакция на этого оборотня? Он же совсем не в моем вкусе. Наглый и грубый мерзавец! Впору скорую вызывать и требовать укол для понижения либидо.

Сколько там сказала Грейс, длится эта горячка? Две недели? Да я уже через пару дней после таких снов на стенку лезть начну.

— Ладно, подруга, потрепались, пора и честь знать. У меня через час свидание, а ты ложись спать, а то круги под глазами размером с Аляску, — встав из-за стола, Грейс чмокнула меня в щеку и направилась в прихожую, а я, словно сомнамбула, поплелась следом.

— Я тебе завтра позвоню, честное слово, — пообещала я, привалившись плечом к стене.

— Буду ждать. И планы на субботу не строй, я хочу затащить тебя в «Парадайз»[1]. Вот где настоящий рай для желающих проститься с невинностью. Поверь, детка, оно того стоит!

— Для одноразового траха я лучше себе вибратор куплю.

Вроде бы пошутила, но мозг тут же сделал пометку: поискать в интернете различные варианты.

— Давно бы так, — порывшись в сумочке, Грейс вытащила на свет небольшой прямоугольник и всучила его мне. — У меня как раз визитка одного из лучших секс-шопов города завалилась. Там работают отличные ребята, подберут все что нужно.

Ну кто бы сомневался? Запасливая фея в своем репертуаре. Кажется, скажи я ей, что хочу секс-куклу, она и ее из своего бездонной сумки достанет.

Но визиточку прибрала. Времена сейчас беспокойные.

— Шабо, лапочка, хоть ты и не вышел меня провожать, знай — я тебя все равно люблю, засранец ты мохнатый! — крикнула в пустоту моя несносная подруга, прижала меня на секунду к себе и скрылась за дверью.

Как была, в бело-розовой шелковой пижаме, состоящей из штанов и рубашки, я второй раз за сегодняшний день отправилась в спальню.

Шабо на кровати не наблюдалось. Вероятно, мой кот облюбовал для своего королевского тельца диван в гостиной. Ну а я и не возражала. Еще одной борьбы за территорию я бы точно не вынесла.

Стоило голове коснуться мягкой пуховой подушки, как тут же уснула. Правда, спала не так долго, как рассчитывала.

Острые когти впились в мою выглядывающую из-под одеяла ногу, заставив подскочить на месте.

— Шабо, чтоб тебе пусто было, какого черта? — прохрипела я, переводя взгляд в окно.

Темно. Ночь в самом разгаре. Чего это коту нейдется? Раньше как убитый спал. Из двустволки стреляй — не разбудишь. А сейчас сидит на полу и на дверь, не мигая, смотрит. Аж жуть берет.

Поднявшись с кровати, я приблизилась к нему и хотела было уже взять на руки, как почуяла запах гари...

В коридоре раздались тяжелые шаги.

[1] (с англ. — Рай)

Глава 11

Максимус Картер не любил отправлять своих детей в лагерь для скаутов.

Вместо этого он каждое лето, первого июня, доставал из гаража две старые палатки, забивал один большой и три маленьких рюкзака под завязку, целовал жену на прощание и тащил сына и двух дочерей в недельный поход.

В горах он учил нас навыкам выживания в экстремальных условиях, рассказывал, как побороть страх и панику, делился приобретенным жизненным опытом, пытаясь закалить детский характер и воспитать самостоятельных и ответственных личностей, способных в будущем справиться с любой сложной ситуацией.

Мы, естественно, воспринимали всё как игру и не думали о том, что в один прекрасный день нам очень пригодятся полученные знания.

Спасибо тебе огромное, папочка. Кажется, для меня этот день настал еще вчера и не прекращается до сих пор.

Тяжелые мужские шаги приближались к моей спальне, всё громче отдаваясь в ночной тишине. Они сводили меня с ума и заставляли сердце биться чаще.

Ключи от дома были только у членов моей семьи, но ни один из них не вошел бы без стука, рискуя меня напугать. А значит, за дверью кто-то посторонний. И что-то я сомне-

ваюсь в его добрых намерениях. Но выяснять, конечно, не буду. Хватило мне вчерашних приключений.

Подвинув Шабо, я тихонько прикрыла дверь и защелкнула замок. Затем перевела взгляд на прикроватную тумбочку и шепотом чертыхнулась. Телефон остался лежать на кухне.
 Вдобавок ко всему, запах гари стал чувствоваться отчетливее, и уже не оставалось никаких сомнений: в доме что-то горит. А значит, чем скорее мы с Шабо выберемся отсюда, тем лучше.

Поблагодарив создателя за первый этаж, я рванула к окну. Завозившись, пытаюсь его поднять, я одновременно прислушивалась к шагам в коридоре.

Мужчина остановился прямо напротив моей двери и потянул на себя ручку. Она щелкнула, но не поддалась, а я прибавила усилий, понимая, что преграда между нами ненадежная. Ударь он пару раз — и дверь сразу вылетит из петель.

Окно со скрипом всё же поехало вверх. Быстро схватив Шабо на руки, я перенесла одну ногу через подоконник. Позади раздался грохот, от которого по позвоночнику волной пронесся ледяной озноб. В дверь начали ломиться.

Не оборачиваясь, я прижала кота к груди, зажмурилась и прыгнула вниз.

Казалось бы, всего три фута. Но если ты босиком, а руки заняты тем, что пытаются удержать семикилограммовую тушу, это расстояние увеличивается в два раза. Не сгруппируйся я вовремя и не приземлился на бок, сломала бы обе но-

ги, а так отделалась легким испугом и ссадинами.

Быстро поднявшись на ноги, я, не разбирая дороги, понеслась вперед, стараясь не попадать под свет фонарей.

Шабо недовольно мяукал, вцепившись когтями в мое плечо. Людей на улице — ни души. У соседей в окнах не было света, поэтому сворачивать к ним я не стала. Вдруг дома никого нет, а вломившийся ко мне тип бросится вдогонку? Потеряю драгоценные минуты форы — и тогда все мои старания пойдут псу под хвост.

Ни обуви, ни телефона, ни денег, ни документов. Одна розовая пижама на голое тело и недовольный кот. А еще страх, липкий и тошнотворный, что затуманивал мозг и гнал вперед. Вот и всё, что у меня было.

Чувствуя себя загнанным зверем, по следу которого идет охотник, я бежала, не разбирая дороги. Оборачиваться было страшно. Казалось, сделаю это — и меня тут же догонят. Но ноги нещадно ныли, и каждый вздох обжигал легкие. Шабо уже не мяукал, понимая, что этим делу не поможешь. Спрятав коготки, он сжался в комочек и приник к моей груди, пытаясь согреть меня и успокоить.

Больше всего на свете я хотела очутиться дома. Не в своем, оскверненном присутствием грабителя жилище, где я больше никогда в жизни не почувствую себя в безопасности, а в доме, где выросла и где живут мои родители.

Мысленно представив крепкие отцовские и нежные материнские объятия, я еле сдержалась, чтобы не разреветься.

Для слез сейчас было не самое подходящее время.
 Пустая узкая улочка вышла к зеленому парку, где даже в такое позднее время слонялись бездомные и влюбленные парочки, при виде которых я чуть в голос не застонала от облегчения.

Понимая, что набрасываться на меня в людном месте никто не будет, я немного расслабилась и, решив отдышаться, присела на край свободной скамейки.
 Нужно было составить план.

До родительского дома путь неблизкий, но ни на такси, ни на метро денег у меня не было. Позвонить им и попросить забрать меня — тоже не вариант. Очень сомневаюсь, что кто-то из прохожих даст в руки грязной и босой оборванке свой телефон. А значит, придется тащиться в ближайший полицейский участок и просить о помощи, а у меня со вчерашнего дня на эти участки развилась жуткая аллергия.

На нас с Шабо упала тень. Резко подняв голову, я увидела остановившуюся напротив молодую парочку.

— Какой красивый котик, — умилилась девушка прижавшемся ко мне комочку. — Я сразу узнала эту породу, у меня когда-то был точно такой же.

Она потянулась к Шабо ладонью, собираясь погладить, но мой пушистик, посчитав, что на сегодня стресса ему уже достаточно, грозно оскалился и выпустил коготки.

— Он не очень любит незнакомых людей и может вас поцарапать, — предостерегла я ее.

Девушка рисковать не стала. Еще немного поворковав с

котом, они с парнем уже собрались было уходить, но внезапно остановились. Порывшись в кармане брюк, любительница кошек снова подошла к нам и протянула руку с зажатой в ладони купюрой.

— Купи ему что-нибудь вкусненькое.

Первым порывом было оскорбиться: неужели я выгляжу как побирающаяся нищенка? Но вовремя вспомнив, в каком положении оказалась, всё же прикусила язык. Если этих денег хватит на дорогу до родительского дома, то я самый везучий человек на свете.

Они даже отойти от нас толком не успели, а я уже принялась подсчитывать наш с Шабо доход.

— Поздравляю, Злюка. За сегодняшнюю ночь ты покрыл все мои расходы на твой корм.

Сон, липкий, как паутина, и тошнотворный, словно пошло в баре «У Молли», не желал выпускать Ноа из своих гребанных лабиринтов.

Он путал, заставлял блуждать и мешал сходящему с ума волку искать что-то важное. Что-то, без чего тот не чувствовал себя цельным. Что-то, без чего не мог обойтись.

Подскочив на кровати и резко приняв сидячее положение, Райт поднял голову к потолку и прислонился затылком к изголовью кровати. Капли пота стекали по вискам и спине, а в горле было сухо, как в пустыне.

Неясная тревога заставляла сердце с удвоенной скоростью

биться о ребра, и будь он проклят, если испытывал когда-то нечто подобное.

Твою мать, неужели это старость? В двадцать шесть? А в тридцать тогда что будет? Инфаркт и место на кладбище?

Старенький будильник на тумбочке показывал три часа ночи. Из открытого окна в комнату лился завораживающий для любого волка лунный свет. И вроде бы пора успокоиться — кошмар закончился и забылся, — но Ноа чувствовал: что-то было не так.

Он никак не мог поймать ускользающую от него ниточку, что вела к разгадке, а потому решил довериться интуиции, что хриплым голосом его животной половины требовала взять телефон и позвонить Майку.

Он так и сделал.

— Сэр, — раздался на другом конце сонный голос молодого копа, — что-то произошло?

— Мне нужна информация о девчонке, — без предисловий и расшаркиваний, грубым низким голосом прорычал Райт.

— В такое позднее время? — удивился Майк, сразу уловив, о ком идет речь.

— Сейчас же.

— Прошу прощения, сержант, но пока удалось выяснить только адрес, по которому ее зарегистрировали два дня назад.

— Диктуй, — придвинув к себе ежедневник, между стра-

ниц которого был зажат карандаш, Ноа принялся записывать.

Глава 12

Остановившись перед нужным ему домом, где, по данным Майка, должна была проживать Лоллипоп, Ноа бросил байк на обочине и, перемахнув через невысокую ограду, кинулся ко входной двери.

Не заперта.

Осмотрев замок, Райт увидел торчавший из скважины металлический стержень, которым в качестве отмычки часто пользуются любители незаконных проникновений. Судя по царапинам на двери, работал не профессионал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.